

Андрей Козырев

Космос Крым

Повести

Андрей Козырев
Космос Крым. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24715796

ISBN 9785448542336

Аннотация

В новый сборник повестей и рассказов Андрея Козырева вошли юмористическая «курортная поэма» «Космос Крым» и произведения, описывающие быт и нравы городской окраины.

Содержание

Космос Крым	5
День первый. Исход	5
Крым – международная здравница	10
День второй. Земля обетованная	12
День третий. Град светлый	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Космос Крым

Повести

Андрей Козырев

© Андрей Козырев, 2017

ISBN 978-5-4485-4233-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Космос Крым

Курортная поэма

*...Здесь, в печальной Тавриде,
куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем...*

О. Мандельштам

День первый. Исход

Участь моя решена: я лечу в Коктебель. Там уже тринадцать лет ежегодно проходит Международный литературный фестиваль, а меня ещё не было! Пора мне исправить это досадное недоразумение.

Мировая литература ждёт меня! Будущее – за мной! Расступитесь, Пушкины и Толстые, – сибиряк Тузиков идёт!

.....
Эти слова вертелись у меня в голове осенью 2013 года, когда я готовился лететь в первое в своей жизни заграничное путешествие. Впервые за рубеж лететь – дело, конечно, волнительное, у любого дурака голова закружится...

Естественно, как только я принял героическое решение отправиться в круиз, начались неприятности. Мой лучший друг, поэт, вместе с которым я должен был лететь, в аккурат

перед вылетом напился и с диагнозом «белая горячка» уго-
дил в психиатрическую больницу.

Его родные решили: если поэт сам не может вылететь,
а билеты уже куплены и номер в гостинице забронирован,
вместо него со мной в Крым должна полететь его бывшая
жена, Даша.

Такое экстравагантное решение было продиктовано, воз-
можно, тем, что родня моего друга мечтала как-то отвести
от него приставучую Дашу и отвлечь её внимание на меня.

Я же перед вылетом ещё считал Дашу интересной женщи-
ной и был не против с ней отправиться в отпуск, чтобы при-
смотреться к ней на случай возможного брака.

Как горько я потом раскаивался в этом...

Но обо всем – по порядку.

.....
Перед полётом я ночевал у Даши.

Перед приездом Даша позвонила мне с просьбой купить
минералку и яблоки – отвезти в Крым. (Зачем ей это было
надо, мне до сих пор неизвестно). Что ж, воля женщины – за-
кон... Покупаю. Приезжаю к Даше. Она встречает меня, пыт-
ливо приносиваясь к исходящим от меня ароматам, и почти
сразу заявляет:

– Пахнет от тебя не по-международному... Срочно ступай
в ванную, вымойся! Лететь с таким – позора не оберешься...

Я встаю по стойке «смирно» и так направляюсь в ван-
ную. Моясь, «от чувств-с» ломаю водопроводный кран. Да-

ша, узнав об этом, молчит.

Ночую у Даши на диване в гостиной. Недовольная Даша на весь дом храпит за стеной. Я делаю вид, что не замечаю.

В два часа ночи, перед выездом, просыпается Дашина дочь Алёнка, устраивает скандал. Даша не реагирует. «Не может без меня, значит, любит. Всё хорошо!» – и безмятежно продолжает собираться.

Прибыв в аэропорт, первым делом выбрасываем яблоки и минералку: с ними лететь нельзя.

.....
Прямых рейсов из Омска в Крым в 2013 году не было. Мы полетели в Симферополь с пересадкой – через Петербург.

В Питер прилетели к 8 утра. Взяли такси в аэропорту, чтобы прокатиться по городу, посмотреть достопримечательности. Таксист – низенький толстенький крепыш лет сорока, чем-то похожий на Карлсона – пытается завести с нами беседу:

– В первый раз в Питере? Надолго ли? С какой целью?

Узнав, что мы – литераторы и летим в Крым, таксист-Карлсон решает блеснуть перед нами своими познаниями:

– Вот я тоже литературу люблю. Недавно прочитал у Асадова такое – не в бровь, а в глаз, как говорится! «Как много тех, с кем можно лечь в постель, как мало тех, с кем хочется проснуться!» Супер! А?

Даша вся невольно съёживается от упоминания о постели

и лепечет:

– Ну зачем такие стихи писать. Это ж неприлично. Ни на утреннике не прочитать, ни на концерте... Кому это нужно?

– А вы что пишете? – интересуется Карлсон.

– Хотите, прочитаю что-нибудь из своего, старого, – предлагаю я и декламирую «Охоту на волков» (прости меня, Высоцкий!).

– А прочитайте своё что-нибудь, – предлагает ей таксист.

– Я своё не читаю. Купите книгу, если хотите.

От покупки таксист отказывается.

.....

Спустя полчаса мы выходим из машины у Русского музея. Я устраиваю экскурсию для Даши, провожу её мимо картин Брюллова, Сурикова, Репина, сам подолгу стою перед Филоновым. Даша, к моему удивлению, оказывается почти слепой: она на расстоянии метра не видит разницы между Брюлловым и Кандинским. Единственным её желанием в музее было сфотографироваться перед какой-нибудь знаменитой картиной. Я дождался, пока экскурсовод отвернулась, и сфоткал её на фоне «Чёрного квадрата». Пустота на фоне пустоты – интересное сочетание...

Возвращаясь из музея в аэропорт, мы с Дашей чуть не заблудились. Чтобы найти дорогу, Даша посоветовала обратиться за помощью к местному жителю. «А то мы из этого колодца до ночи не вылезем», – сказала она, глядя на сте-

ны узкого питерского дворика, куда мы каким-то макарон забрели.

Вергилием, вызволившим грешные души наши из колодца петербургского двора, оказался симпатичный высокий горожанин лет пятидесяти, стоявший у подъезда и оживленно беседовавший с кем-то по телефону. Когда мы попросили его указать нам путь истинный к аэропорту, он мгновенно прервал свой разговор, отключил телефон и спросил, откуда мы приехали. Узнав, что мы из Сибири, чуть не прослезился: «Земляки! Я сам из Томска!» – и предложил лично сопроводить нас на станцию метро. Доведя нас до станции, он спустился с нами вниз, купил жетоны, провез нас через половину города, отвел на остановку маршруток, идущих в Пулковку, и за свой счет усадил в нужную машину. Даша при этом не переставая болтала о своем месте в омской культуре. При расставании она дала ему автограф и свой телефон.

– Зачем тебе это? – спросил я, когда машина тронулась.

– Мало ли что. Потом позвонит, познакомимся. Глядишь, к нему в Питер жить перееду...

– Ты его знаешь, да?

– Нет. А что такое? Он наверняка в меня влюбился. С первого взгляда. А почему он тогда так заботился обо мне?

Крым – международная здравница

Крым с запада и юга омывается Черным морем, с востока – Азовским морем и Керченским проливом. Редко можно встретить другой такой регион, где на сравнительно небольшой территории наблюдалось бы подобное многообразие климатов, рельефов, почв, растительности

Природа щедро предоставила человеку здесь все, что необходимо ему для восстановления сил и здоровья. Обилие солнечных дней (в Ялте солнце сияет 2250 часов в году, в Евпатории – 2459, тогда как в Кисловодске – 2106, а в Сочи – 1980 часов), ласковое теплое море (среднегодовая температура +14,30С) с многочисленными отличными пляжами (на полуострове их насчитывается более трехсот), целебный, с умеренной влажностью воздух, насыщенный солями моря и настоящий на хвое лесистых гор и травах степей, прекрасные минеральные источники, эффективные лечебные грязи, обилие фруктов, винограда...

Все это поставлено на службу человека. И, конечно, здравницы, лучшие из которых не уступают по комфорту западным. Белоснежные корпуса их, рассыпанные по побережью, утопают в зелени изумительных по красоте парков.

Крым – край удивительной красоты, не оставляющий равнодушным никого, кто хотя бы раз побывал на этой приветливой земле. «Волшебный край, очей отрада!» – восхищался молодой Пушкин. «Краем вечного сиянья» называла Крым Леся Украинка, а Адам Мицкевич – одной из прекраснейших местностей в мире. Многие поэты, прозаики, художники, композиторы воспели красоту древней Тавриды.

Крым – уникальный историко-культурный заповедник, где в многочисленных памятниках отражены исторические события и культура разных эпох и разных народов и народностей. Находясь в Крыму, вы словно побываете в богатейшем естественном музее, который, по словам А. С. Грибоедова, «хранит тайны тысячелетий». Здесь можно познакомиться со всеми этапами эволюции человека, начиная с древнейших времён.

(Из туристического проспекта)

День второй. Земля обетованная

На самолете, летевшем из Петербурга в Симферополь, Даша 3 часа беседовала с соседкой – интеллигентной петербурженкой, направлявшейся на отдых в Феодосию.

– Ваш Питер – город хороший. Не то что наше болото... У нас в городе всё по-дурачки. Только у нас улицу могли назвать «Линия». У вас ведь не так, правда? Во-о-т. Омск-то знают только потому, что я там живу. Слышали мои песни на радио? Ну, в «Шуршалочке», есть такая передача... то есть была, лет восемь назад. Там мою песню однажды прокрутили. Какую? Ну, я же вам в самолете петь не буду... А? Текст? Текст прочитаю. Вот послушайте:

*Я люблю свой город,
он мне очень дорог.
Здесь живут мои друзья,
Папа, мама, брат и я...*

Классно ведь, правда? Хорошо? Во-о-т, и я так же думаю. А летим мы на фестиваль в Коктебель. Мы бы и у вас в Феодосии остановились, на квартире, да ездить, говорят, далеко. Что? Вы и так нас у себя разместить не можете? Ничего, ничего... Дайте я лучше вам ещё почитаю...

Эта декламация длилась всё время, пока мы летели.

После прилета мы снова взяли такси в аэропорту. Высокие цены на такси в Крыму, однако, – 100 км за десять тысяч рублей проехали. И то едва таксиста уговорили... Причудливый он был мужик. Всю дорогу расспрашивал нас о литературе (оказалось, что Даша ничего не знает о Волошине, я один отвечал на его вопросы). В промежутках между высокоучеными беседами таксист спел «для двух поэтов» песню о себе самом (собственного сочинения), накормил нас в придорожном кафе (за наш счет, разумеется), сам поел, сводил нас к местному монастырю, показал, где монашки по ночам купаются. В общем, культурная программа была весьма разнообразной. Самым же ярким впечатлением моим стал тот обнаружившийся по приезду в гостиницу факт, что бесплатное такси от отеля ждало нас всю ночь в аэропорту.

Обилие впечатлений вдохновило меня, и фонтан словесного творчества, находившийся у меня во рту, прорвало. Самым натуральным образом. ещё бы – битый час ночью в тряске «жигулёнке» по горам прыгать... Что поделаешь – естество такое.

Еще в такси я сразил водителя фразой: «Водитель должен любить свою машину, как женщину, но не должен ездить на женщине, как на машине». Он эти слова записал на бумажке. А вид первого коктебельца, шедшего навстречу нашему авто, вдохновил меня на экспромт:

Когда человек знает,

*Что движет звёздами,
Ему всё равно,
Есть на нём штаны
Или нет.*

В гостинице, глядя на мирно дремлющий персонал, я сложил ещё один верлибрик:

*Коктебель – это город,
Который невозможно завоевать.
Нельзя поставить на колени
Того, кто живёт,
Лёжа на боку!*

Всё-таки атмосфера здесь, в Крыму, для творчества хорошая.

День третий. Град светлый

Рано утром, пока Даша безмятежно похрапывала в номере, я совершил первую прогулку по городу. Коктебель был подобен книжке с яркими картинками, которые невозможно забыть. Так, у входа в город сидело трое нищих с табличками: «Нищий», «Настоящий нищий», «Реально настоящий нищий». Вот так бы сделать в Союзе писателей...

Проходя по набережной, я наткнулся на классический образец черноморского джентльмена: парень лет двадцати пяти шел по улице в черном пиджаке, брюках, белой рубашке и шляпе, но – босиком. В руке он нес старые кеды. Увидев меня, юноша манерно поклонился до земли и прозмеил: «Здрас-сь-те!» Видимо, почувствовал во мне приезжего. Я и сам вскоре научился мгновенно отличать местных жителей от отдыхающих – по взгляду: у туристов он – бессмысленно торжествующий, а у коктебельцев – нагло выпрашивающий.

В центре я долго глядел на столовую с интригующим названием «Кафе Икс» и рекламным слоганом на вывеске: «Заиксуй у нас!» Посмеявшись вдоволь, я решил перекусить здесь. Для этого потребовались украинские гривны. Я спросил у прохожего, где здесь банкоматы. «Да на каждом углу!» – воскликнул он. Это было правдой: банкоматы находились на каждом из трех углов треугольного в плане города, и дойти до них было трудновато. Но я все-таки раздобыл

гривен и купил себе и Даше на завтрак большую пиццу с морепродуктами. В целом утро удалось.

Формула Крыма

*Море – это бывшее небо,
сброшенное на землю
за излишнюю синеву.
Синие леса на склонах гор —
это бывшее небо,
упавшее семенами дождя
и проросшее сквозь землю.
Облака в вышине —
это бывшее небо,
сгустившееся, как мороженое.
И человек здесь —
это тоже бескрайнее небо,
еле-еле поместившееся
в теле обезьяны.*

Вечером состоялось торжественное открытие фестиваля. Я пришел на него один, оставив Дашу в гостинце и накупив ей еды: не хотел, чтобы меня заметили на открытии с чужой женой, непонятным мне самому образом ко мне прибившейся. Но Даша каким-то образом сама нашла дорогу к Волошинскому дому. Я заметил её присутствие не сразу, а только тогда, когда во время исполнения музыкантами «Гностического гимна Деве Марии» за спиной у меня послышался шёпот: «Боже мой, что за галиматья!» Из гостей фестиваля

такое могла сказать только Даша, в жизни не прочитавшая ни строчки из Волошина.

После открытия фестиваля был назначен банкет. Мне удалось занять место за столом напротив моего тёзки, знаменитого Андрея Кривова. Я воспользовался этим шансом, чтобы завязать знакомство. И завязал. Крепче Гордиева узла. С помощью развязавшегося языка. За 15 минут я произнес для Кривова десятка три тостов, при этом Кривов пил знаменитый местный коньяк, а я – вишневый сок, по цвету от коньяка не отличавшийся. Я предполагал, что таким образом сохраню над собой контроль, и меня весьма удивило то, что после тостов мне с трудом удалось встать на ноги. Более того, в голове раздавался какой-то странный шум, и мне хотелось обнять весь мир. По причине необъятности последнего обнял я только какую-то черноволосую красотку, сидевшую рядом. И только после этого, как порядочный мужчина, спросил, как её зовут. Оказалось – Яна. «И меня, как янычары, покорили Яны чары», – вспомнил я строки одного омского поэта. Прокричал их на весь ресторан. Помню, что Яне это вроде бы понравилось... Больше не помню ничего. Утром, проснувшись в своем гостиничном номере, я нашел у себя в постели листок со стихами, написанными, по-видимому, ночью:

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ НОКТЮРН

1

В тёплом море тлеет
Звездопадаль. Дикий виноград
Жметя к стенам, словно писатель,
Возвращающийся с пирушки.
Ветер —
Ангел, посланный в ад
И изгнанный оттуда
За дурное поведение —
Придавлен к городу небосклоном.

Одиночество звенит,
Как цикада, в летней траве. Фонари
Подмигивают звездам. И хрустальный воздух
Разбит на осколки человеческим
Голосом.

Настает ночь. Ночь признаний,
Ночь воспоминаний о жизни.
Это – время, когда душа раскрывает все
В ней потаенное. Говори. Говори обо всем,
Что ты знал, чувствовал и пережил – и неважно,
Услышит ли тебя кто-то.
Говори – с пустотой. Говори в пустоту.
Говори правду.
Там она будет услышана,
Ибо в пустоте – её
Родина.

2

Ночь размывает очертания предметов
Под ногами. И время,
Подобно колесу обозрения,
Поднимает меня над простором прошлого,
И я могу обозревать с высоты лета его противоречивый
Ландшафт: сначала – сухие степи детства, солончаки,
пустыня,
Где ещё почти нет людей, красок, голосов;
Чуть южнее – буйные леса юности, сады, парки,
Дворцы вельмож, ныне пришедшие в запустение; а ещё
Дальше —
Горы, скалистые и высокие, еле заселенные
Чувствами. Такова карта жизни,
С высоты полета памяти увиденная.

Эта панорама воспоминаний и зовётся в просторечии
Человеком. Бог создал человека не из глины,
А из воспоминаний. Что мы помним —
Тем и живем. Ибо человек —
Это память,
В плоть облечённая.

3

Говори, память. Говори —
Обо всём на свете. О пустяках. Например,
О жизни и смерти. О любви. О злобе,
Ещё более безответной, чем любовь.
О навязчивости света.
О прозрачности тьмы. О воспоминаниях,
В которых люди барахтаются,

Как в воде, не умея плавать.

О волнах прошлого,

Набегающих на берег настоящего, уносящих
Накопившийся за день мусор и оставляющих

Раковины, пену и соль.

Соль,

Которой всякая жертва осолится.

Соль,

Которая обжигает кожу земли.

Соль,

Которая ночью блестит ярче далеких и неподвижных
Звёзд.

4

Говори.

Ночь признаний

Лучше Люмьера прокрутит перед глазами

Старинную плёнку, именуемую жизнью.

Вот садовник поливает цветы, а мальчишка

Наступает на шланг; вот поезд,

Приближающийся к вокзалу, распугивает

Зрителей синематографа. Вечные сюжеты,

Вечные черно-белые картины

Первой встречи юности и старости,

Техники и человека, иллюзии

И реальности; прошлого

И настоящего. Приезжай снова,

Как сто лет назад, старый поезд

Воспоминания; я больше не испугаюсь тебя.

5

Что наши жизни,
Жизни человеческие? Только створки
Некоей одушевлённой раковины,
Тёмною волной разбитые.
Мы уже не можем звучать,
И между нами уже не зародится
Жемчужина. Но нас может подобрать
Бродящий по песку ребенок,
Забытый родителями, или заплутавший в мироздании
Неприкаянный ангел.

Счастье не вернется к нам,
Как бумеранг, бьющий по голове каждого,
Кто запускает его в пространство —
По-видимому, в отместку
За нарушение покоя. Счастье не возвращается,
Ибо оно недостаточно криво, чтобы летать
По кругу. Но и для смерти
Этот маленький космос слишком груб.
Соль не сходит с губ
Омываемого приливом берега. Ангел
Бродит босиком по пляжу,
Всматриваясь в даль. Ночь
Медленно перетекает с неба
В море.

6

Седина полыни
Серебрится около дома,
Где жил поэт. Тёмная волна

Памяти опьянена неизбывно
Горечью песка, песчинок человеческих,
Пересыпающихся на побережье
Жизни моей. На побережье,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.